

© 2012 г.

Ф. И. Куликов

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЖРЕЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ В ЧАСОВНЕ СТАРОЕГИПЕТСКИХ ЧАСТНЫХ ГРОБНИЦ: НЕКОТОРЫЕ ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ СЮЖЕТА

В статье проводится сравнительный анализ и интерпретация развернутых сцен ежедневной жреческой службы в часовнях староегипетских частных гробниц. Выявляются основные этапы ритуала и некоторые особенности построения египетского сюжета.

Ключевые слова: Древний Египет, Старое царство, жреческая служба, частная гробница.

Среди староегипетских настенных изображений сцена регулярной жреческой службы в часовне выгодно отличается развернутой сюжетной линией, лаконично передающей сложный ритуал с участием жрецов разного ранга. Некоторые из этих сюжетов нигде больше не встречаются, другие можно видеть в общих сценах доставки жертвенных продуктов либо отдельно – возле ложной двери и изображений вельможи. Мы видим, как перед сидящим за столом хозяином гробницы жрецы льют воду, возлагают продукты на жертвенный камень, курят ладан, зачитывают папирусный свиток с жертвенными формулами и пр. Все изображенные действия действительно происходили в часовне: в сценах часто запечатлевают жертвенник, который в архитектуре гробницы был необходимым дополнением ложной двери (главного места жреческой службы), а в помещениях погребений находят культовые вещи или их макеты, аналогичные изображенным.

Поскольку культовые памятники являются универсальным для египтологов источником, жреческая служба оказывается в поле их зрения довольно часто. Однако преимущественное внимание уделяется не столько процедуре самой службы, сколько ее организации, составу жреческой череды, обязанностям различных категорий жрецов и т.д. Более или менее подробные описания сцен можно видеть в комментариях к публикациям погребений. Но далеко не все они информативны: авторы, как правило, ограничиваются общим объяснением сюжетов в отдельно взятой гробнице и относительно редко дают сравнительный анализ материала из разных погребений. Исключение представляют работы Г. Юнкера¹ и С. Хассана², отдельные главы которых содержат глубокий анализ соответствующего материала. В объемном исследовании Г. Лаппа³, вмещающего целый ряд интересных

Куликов Фёдор Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры историко-правовых дисциплин и всеобщей истории Горно-Алтайского государственного университета.

¹ Junker 1934, 41–96; 1938, 98–122.

² Hassan 1943, 69–78.

³ Lapp 1986, Kap. XIV.

наблюдений, сцена жреческой службы рассматривается почти исключительно в контексте изучения списка жертв, а реконструкции собственно ритуала уделено мало места.

Подобное состояние проблемы объясняется не в последнюю очередь спецификой используемого источника. Хотя сам ритуал кормления умершего через жертвенный камень (как и всякий ритуал вообще) должен был исключать существенную вариабельность в исполнении, в египетской живописи невозможно найти двух абсолютно одинаковых развернутых сцен жреческой службы. Каждый раз мастер либо приспособлял разработанную ранее композицию к особенностям гробницы заказчика, либо разрабатывал свой оригинальный вариант, при этом используя плохо понимаемые или вовсе неизвестные нам принципы построения сюжетной линии. Литературные тексты, описывающие ритуал от Старого царства не дошли (их, скорее всего, и не было), а краткие надписи к сюжетам не слишком информативны. В них лишь называется видимая сторона действий жрецов, что часто не только не раскрывает суть, но и, порождая неверные ассоциации, ведет исследователя в ложном направлении. Положение усугубляется особым местом сюжета в мире-Двойнике⁴. Забегая вперед, заметим, что в одном случае художник изображал реальный культовый предмет, в другом – его иное визуальное проявление в мире-ка, в третьем обходился лишь намеком на его присутствие в сцене. Таким образом, одно и то же по сути действие могло передаваться несколькими способами, а с трудом различаемые нами сюжеты означают разные этапы культа.

В этой ситуации целесообразно проанализировать сами принципы построения художественной композиции в известных нам памятниках, при этом начать с выделения устойчивых иконографических форм, передающих, по всей видимости, отдельные этапы службы. Следует подчеркнуть, что предлагаемое автором деление основано на предварительном визуальном наблюдении.

В данной статье автором проанализированы 27 сцен жреческой службы у жертвенника, происходящих из гробниц Сенеджемиб/Инти⁵, Чету I⁶, Нефермеседжерхуфу⁷, Сенеджемиб/Меху⁸, Нимаатра⁹, Ити¹⁰, Раур II¹¹, Мерерука¹², Кагемни¹³, Санхуиптах¹⁴, Кар¹⁵, Меху¹⁶, Каихеп¹⁷, Таути¹⁸, Хену¹⁹, Ури²⁰, Иреру²¹, Каиманх²².

⁴ О Двойнике (ка) как одной из сущностей египтянина см. Большаков 2001.

⁵ Brovarski 2003, fig. 61.

⁶ Simpson 1980, fig. 24.

⁷ Bolshakov 2005, fig. 5, 10; Roth 1995, fig. 207.

⁸ Brovarski 2003, pl. 125.

⁹ Bolshakov 2005, fig. 5, 14; pl. XVIII, 2.

¹⁰ Weeks 1994, fig. 51.

¹¹ Junker 1938, Abb. 46.

¹² Duell 1938, pl. 61c, 67.

¹³ Ballacher, Weigall 1911, pl. XVIII, XIX, XXIX, XXX.

¹⁴ Kanawati, Abder-Raziq 1998, pl. 67, 71.

¹⁵ Simpson 1976, fig. 22a, 25, 29.

¹⁶ Altenmüller 1995, Taf. 58–59. В гробнице Меху находится часовня Анхмерира, где также обнаруживаются две сцены службы (Taf. 84, 90).

¹⁷ Kanawati 1980, fig. 17.

¹⁸ Säve-Söderbergh 1994, pl. 20, 21.

¹⁹ Hassan 1936, fig. 196.

²⁰ Junker 1943, Abb. 72.

²¹ Hassan 1941, fig. 57.

²² Bolshakov 2005, 95, fig. 5, 14.

Рис. 1. Основные сюжеты сцен регулярной жреческой службы в староегипетских частных гробницах

Одним из самых распространенных и сложных для интерпретации является сюжет возлияния жрецами натроновой воды. Струя воды с натроном, с одной стороны, имела очищающее свойство, с другой – символизировала в Египте непрерывно возобновляемые жизненные силы хозяина усыпальницы. Воду могли лить из сосудов *немсет*, *хеу* и *ценбет*. На рельефах первый из них имеет форму простого

широкого кувшина, часто с плоским дном и валиком по краю короткого горлышка. *Немсет* имел широкое хождение и в повседневной жизни: в нем хранили воду, запасы муки и молочные продукты. Сосуд *хеи*, похожий на высокую цилиндрическую бутылку с расширяющейся к середине поверхностью, имел узкое основание и очень узкое горлышко, заканчивающееся тарелкообразным валиком. *Ценбет* похож на *хеи*, но в отличие от него был снабжен длинным носиком. В староегипетских гробницах часто можно видеть изображения таких сосудов, либо стоящих в ящиках среди продуктов перед хозяином, либо доставляемых ему челядью²³.

Иногда с работой управляется один жрец, но чаще мы видим двух мужчин. Один из них стоит на коленях, а другой, во весь рост за спиной первого, льет воду с таким расчетом, чтобы струя падала непосредственно перед коленопреклоненным. Стоящие жрецы держат емкости разной формы, а вода может выливаться ими на жертвенник, низкий столик, в большую чашу или просто на землю. Эти отличия представляются достаточно важными, чтобы рассмотреть варианты отдельно.

Возлияние воды на землю (рис. 1 а). В этом случае жрецы всегда работают в паре. Стоящий на коленях жрец кончиками пальцев опущенных рук касается и струи воды, и (или) поверхности земли. Отличаются служители из гробниц Сенеджемиб/Меху и Таути, держащие руки над землей и касающиеся только воды. Участвующие в ритуале никогда не бывают жрецами-чтецами (*херихебами*), всегда носят короткое и облегающее бедра опоясание и короткую закрывающую уши прическу. Только в погребении Кар на головах жрецов виден длинный до плеч парик, оставляющий при этом уши одного открытыми. Жрецы Кар и Таути выливают воду из широкого кувшина *немсет*, во всех других вариантах используется высокий *ценбет*. Почти полное отсутствие надписей над сценой делает ее объяснение затруднительным; единственная фраза («наделение водой») над изображением жреца гробницы Кар мало чем может помочь. Х. Альтенмюллер видит здесь ритуальное очищение места жречествования и начинает этой сценой первый цикл службы в часовне²⁴. Э. Броварски²⁵ толкует как омовение рук, обязательное для каждого ритуального действия. Следует, впрочем, заметить, что на многих изображениях струя совсем или почти не касается пальцев, падая прямо на землю.

Обращает на себя внимание факт, что в шести из десяти случаев сюжет возлияния воды на землю начинает сцену жречествования и размещается либо перед изображением продуктов, либо перед списком жертв. В рельефах Кагемни и Меху хлеб, куски мяса и пучки зелени лежат грудой прямо на земле и струя едва не касается их. У Сенеджемиб/Меху мы видим почти ту же картину, но снедь у него аккуратно расставлена и разложена по ящикам и находится ярусом выше, указывая на пространственное удаление от хозяина. Четверо мужчин позади льющего воду, спешащие доставить ему дополнительно жертвенное мясо, сосуды и котомки с довольствием, также подчеркивают общую направленность ритуала возлияния на продукты. У Усернечер струя воды, прежде чем окатить кончики пальцев переднего жреца, невероятным образом описывает крутую дугу, чтобы почти коснуться и списка жертв.

Сцена на восточной стене часовни Е гробницы Кар отличается от прочих: пара служителей, в виду малого размера стены, оказалась в самом ее углу и, казалось бы, ни к кому не обращена. Однако восточная композиция имеет сюжетное про-

²³ Duell 1938, pl. 13, sc. 1; pl. 74, sc. 1; pl. 90, sc. 2.

²⁴ Altenmüller 1995, 174.

²⁵ Browarski 2003, 73.

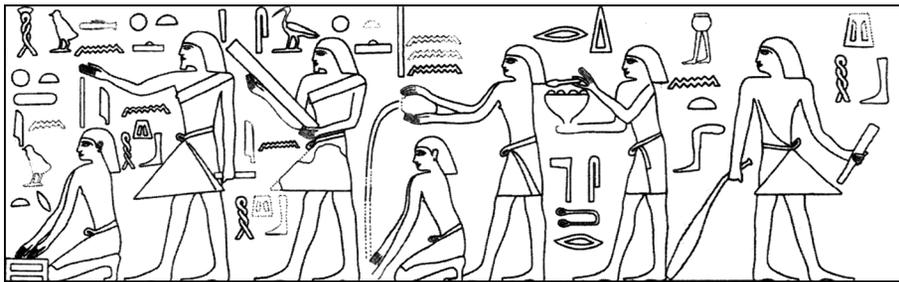

Рис. 2. Сцена жреческой службы из гробницы Кап (Simpson 1978, fig. 22 a)

должение на прилегающей северной стене. Значительная часть последней покрыта рельефом с изображением продуктов и списка жертв, который частью перешел на восток, композиционно объединяя две плоскости часовни. Изображение трапезничающего хозяина разместили далеко от жречествующих – в западном углу северной стены. Как видно, и в этом случае воду из сосуда выливают прямо перед жертвуемым продовольствием, и все действия, вероятно, обращены непосредственно на него.

На северной стене открытого двора С той же гробницы, непосредственно над входом, египетский мастер почти буквально воспроизвел предыдущую сцену. Но здесь, черед жречествующих, в виду малой высоты притолоки, была развернута в один ряд (в часовне она занимала два яруса), и возливающие воду оказались в ее центре (рис. 2). Появление их в центре череды и впереди воскуряющего ладан кажется вполне уместным: точно так и в такой компании они показаны в двух сценах у Ури, у Нефермеседжерхуфу, Каихеп, Кагемни и Меху. Поскольку сюжет возлияния воды парой жрецов оказался «оторванным» от продовольствия, художник внес небольшие коррективы в изображение коленопреклоненного жреца. В рельефе на притолоке его правая рука уже приподнята и слегка вытянута вперед раскрытой ладонью так, словно касается верхнего края чаши либо крышки столика. При этом, хотя часть рельефа под рукой жреца полностью утрачена, расстояние от его рук до ног впереди стоящего *херихеба* столь ничтожно мало, что предположить наличие там какого-либо предмета (столика, чаши, жертвенника или продуктов) невозможно. Складывается впечатление, что в данном случае египетский мастер лишь намекнул на существование некоего приемлемого изобразительного варианта, не озаботившись окончательным графическим оформлением своего замысла.

Желание художника «привязать» сцену возлияния воды к изображению продуктов заметно во всех рассмотренных нами случаях. При этом само изображение хозяина, по-видимому, не являлось непосредственным объектом культового служения. Вероятно, мы имеем дело с работой жрецов-*уабов* (букв. «чистителей»). Идентифицировать их на изображениях довольно сложно: должность царского *уаба* в вельможеской титулатуре встречается часто, но в составе черед поминальных храмов жрецы-чистители упоминаются в документах лишь изредка²⁶. В сценах службы в часовне соответствующие эпизоды, как было сказано, обычно не надписываются; возможно, изображение пары служителей, один из которых льет воду, настолько прочно отождествлялось с соответствующим иероглифом, что не нуждалось в отдельном пояснении.

²⁶ Савельева 1992, 89, 101.

Свидетельства ритуального очищения продуктов встречаются в староегипетских гробницах неоднократно. Так, в сцене погребения у Кар жрецы доставляют в ладье не только наос, но и «очищенный хлеб храма Птаха»²⁷. В его же часовне, сразу над изображением жречествующих, находится частично разрушенная сцена заклания двух жертвенных быков²⁸. В то время как один резник все еще занят отсечением передней ноги поваленного животного, второй уже справился с работой и положил отрезанное бедро прямо на тушу. При этом он призывно смотрит наверх, где видны только несущие службу жрецы, а над его мясом написано «для очищения». Несомненно, не только бедро, но и большая часть туши вскоре будет очищена *уабам* и отправлена хозяину. Примечательно, что в староегипетских гробницах сцена заклания скота очень часто сопровождается изображением жреческой службы.

Таким образом, сюжет возлияния воды на землю передает, скорее всего, идею очищения натроном предназначенных хозяину продуктов. Коленопреклоненный жрец касался воды и снеди кончиками пальцев, произнося при этом, вероятно, ритуальные формулы.

Возлияние воды на столик или жертвенник (рис. 1 б). Как и в предыдущем случае, эта сцена встречается только в развернутых изображениях жреческой службы. Один из жрецов стоит на коленях, а другой льет через его голову воду с таким расчетом, чтобы струя попала на поверхность столика или жертвенного камня. Вода при этом кистей рук не касается либо слегка окатывает кончики пальцев. В мастабе Кар работу исполняет лишь коленопреклоненный жрец, одной рукой льющий воду из сосуда, а другой трогающий жертвенник. Вполне возможно, что за этим занятием мы застаем и служителя из гробницы Нимаатра, склонившегося над землей почти в такой же позе. Почти во всех случаях используется высокий *ценбет* с длинным сливом. Только у жреца на рельефе Кар заметен кувшин *немсет*: управляться одной рукой массивным сосудом ему было бы явно не под силу.

Иконография жрецов группы не отличается разнообразием: они почти все носят обтягивающее бедра опоясание и короткую прическу. Лишь жрец на рельефе Кар показан с бородой и в длинном парике, что характерно вообще для всех представленных в этой череде. Изображения столиков сильно разнятся: если у Меху и у Таути они с одной короткой ножкой, то у Каихеп стол массивен и стоит на четырех опорах с перекладинами. Стол Чету I схож с тем, что мы видим у Каихеп, но он без перемычек. Выгнутый контур крышек столов Каихеп, Таути и Чету I намекает, по-видимому, на выставленную снедь, на которую и попадает струя воды. Различаются и изображения жертвенника. Если у Таути и Кар он похож на прямоугольную плиту, то у Сенеджемиб/Инти жертвенник (видимо, заполненный) имеет покатую верхнюю часть, позволившую Э. Броварски увидеть в нем простой песчаный холмик²⁹.

Изображения этой группы часто надписываются. По надписям узнаем, что службу мог исполнять «сопровождающий своего господина, управляющий», «начальник жрецов *ка*», «заведующий (хранитель) низки ожерелья и начальник жрецов *ка*». Сама работа названа у Чету I «предоставление возлияния», а у Меху – «возлияние воды».

Сюжет возлияния воды на столик или жертвенник напоминает рассмотренный ранее не только внешне, но и расположением: у Чету I, Каихеп, Сенеджемиб/Инти,

²⁷ Simpson 1976, fig. 24.

²⁸ Simpson 1976, Taf. 74.

²⁹ Browarski 2003, 73.

Кар и Таути он вплотную примыкает к изображениям хозяина либо списку жертв. Тем не менее данный сюжет вряд ли можно считать лишь иным изобразительным вариантом очищения продуктов: в сценах у Меху и Таути представлены сразу две части ритуала.

Х. Альтенмиюллер предположил, что в данном случае мы имеем дело с очищением натроновой водой столика перед возложением на него пищи для вельможи. Распространив это замечание на другие известные нам и приведенные выше сюжеты, можно говорить об очищении таким способом не только столика, но и жертвенного камня. Более того, возможно, египетский художник рассматривал столик как иную, более приличествующую миру-Двойнику изобразительную форму жертвенника. Альтернатива не кажется надуманной, поскольку подобная связь хорошо просматривается на материале гробницы карлика Сенеба³⁰. Оказалось, что жертвенная плита Сенеба имеет продолжение под землей, где переходит в условное изображение стола с одной опорой. На староегипетских сценах трапезы все вельможи сидят только за таким столом. Сходство со сценой трапезы становится абсолютной, если обратить внимание на ложную дверь: внутри ее, откуда и должен был являться за жертвой умерший, художник изобразил пару глаз. При этом их размер и высота над уровнем пола таковы, что если жертвенник/стол поставить ножкой на поверхность земли, то они будут соответствовать сидящему за столом человеку, очевидно, самому Сенебу³¹.

Вполне возможно (пример Сенеба позволяет это предполагать), что всякий жертвенный камень в представлении египтян был крышкой стола, с поверхности которого хозяин брал доставляемые ему продукты, точно так, как показано в многочисленных сценах трапезы. Одноногий стол из сцены трапезы не только мог отождествляться с жертвенным камнем, но при внимательном рассмотрении оказывается очень близким изобразительным аналогом столиков служителей *ка* в некоторых сценах жреческой службы. Стол хозяина из сцены трапезы имеет такую же короткую расширяющуюся внизу ножку, но для удобства ставился перед сидящим вельможей на высокую цилиндрическую подставку. Иногда ножка имела вид насаживаемой на массивную опору втулки³², чаще же крепилась в неглубокое гнездо³³, либо стол держался благодаря широкой своей основе. Точно на таких цилиндрических подставках египтяне устанавливали чаши для возлияния и кувшины³⁴. Подставки и столики могли стоять отдельно среди посуды или доставляться хозяину наряду с другими нужными вещами. В этом случае челяди достаточно было, не трогая опоры, поменять столики с яствами. Но если стол хозяина гробницы и столики из сцен жречествования являются иной графической формой изображения жертвенника, то следующих в ложную дверь челядинцев можно воспринимать жрецами, возлагающими продукты на жертвенный камень. Эта тема, безусловно интересная, нуждается в отдельной дополнительной проработке.

Массивный стол из сцены жреческой службы гробницы Каихеп мало напоминает тот столик, который может быть отождествлен с жертвенником: он больше похож на ящик с продуктами, по какой-то причине окатываемый водой из огромного сосуда. Вполне возможно, что здесь мы встречаемся с попыткой художника

³⁰ Junker 1941, Abb. 2.

³¹ Bolshakov 1994.

³² Lepsius 1850, bl. 144.

³³ Simpson 1978, fig. 31.

³⁴ Abu-Bakr 1953, fig. 39; Junker 1938, Abb. 31.

объединить две сцены (очищение продуктов и очищение жертвенника), вызванной недостатком места. Если от первой были взяты ящик с продовольствием и, собственно, литье воды, то от второй – идея возлияния воды на стол/жертвенник. Поскольку содержимое ящика-стола обозначено очень условно (полукруглым контуром), необычные действия жрецов зрителю в глаза не бросаются. Догадка о симбиозе двух сцен отчасти подкрепляется анализом иконографии последующих фигур череды. За парой жрецов художник поместил сюжет каждения ладаном, характерный для той части ритуала, когда показывается очищение продуктов и жертвенника, а также двух коленопреклоненных *херихебов*, творящих ритуал *сахет* (см. далее) и часто появляющихся, когда нужно отправить уже ритуально очищенную жертву хозяину в ложную дверь.

Выливание воды в чашу (рис. 1 в). Сюжет наливания воды в чашу встречается очень часто и может считаться ключевым в сценах жреческой службы времени V династии. В ритуале обычно участвуют два жреца. Передний стоит на коленях перед большой и глубокой миской, придерживая ее за верхнюю кромку, либо (как у Мерерука, Кар, Таути и Кагемни) держа ее перед собой навесу. Вторым жрец из-за спины первого льет воду из *немсет* или *ценбет* прямо в чашу. В нескольких случаях он использует кувшин с длинным носиком, который в комплекте с чашей составлял прибор для умывания. Модели таких «умывальных наборов» часто встречаются в шахтах и погребальных камерах староегипетских мастаб³⁵. Жрецы, льющие воду в чашу, всегда носят короткую прическу и облегающее бедра опоясание. Исключение составляют лишь служители Кар в длинном парике, притом один из пары имеет также подвязную бороду. Бородатым по какой-то причине показан и льющий в чашу жрец гробницы Иреру.

Если в развернутой сцене жречествования иконография сюжета не отличается вариативностью, то, будучи вынесенной за ее рамки, она часто принимает различные формы. В гробнице Хафхуфу I на косяке ложной двери высечено изображение жреца, управляющегося с прибором для умывания самостоятельно: левой рукой он держит чашу, а правой из кувшина льет в нее воду³⁶. Надпись рядом («предложение воды») отчасти объясняет суть происходящего. Жрец, изображенный на косяке ложной двери Итети, делает то же самое, но стоя на одном колене³⁷. Это позволило ему поставить миску перед собой, а кувшин держать более уверенно двумя руками. Служитель *ка* Нисутнефер приспособил для работы подставку для чаши и успешно управляет с массивным *ценбет*³⁸.

Даже этот беглый обзор сцен позволяет предположить, что мы имеем дело с *разными* этапами сложного ритуала, направленного на очищение. Возникает вопрос о сути происходящего. В верхнем ярусе сцены жреческой службы на западной стене открытого двора Кар литье воды в миску показано художником не совсем обычно: стоящий на коленях служитель держит перед собой одной рукой чашу, в другой – довольно крупный шарик. Такой же шарик, но поменьше, мы видим прямо на кромке его сосуда под струей воды. Сцена сопровождается надписью, в которой, по мнению Г. Юнкера, говорится не о двух каплях воды (она, кстати, льется струей), а о двух шариках натрона³⁹. Мастер, таким образом, показывает здесь не

³⁵ Gastel 2001, fig. 37, 138, p. 59–60; 140, p. 59; Hassan 1941, fig. 12, 82, 201, 217; Junker 1943, Abb. 55.

³⁶ Simpson 1978, fig. 32.

³⁷ Badawy 1976, fig. 10.

³⁸ Junker 1938, Abb. 30.

³⁹ Junker 1938, 103.

просто переливание жидкости, а приготовление раствора: натронный щелок (как известно, компонент современного мыла) издавна зарекомендовал себя эффективным моющим средством. Шарики натрона служили для очищения рта, и жрецы перед произнесением изречения жевали натрон, чтобы чистыми устами воспевать божеству восхваления. Сцена из погребения Кар во многих отношениях уникальна, однако явные свидетельства приготовления и использования натронной воды встречаются не только в ней. Мужчина, изображенный на косяке северной ложной двери гробницы № 45 (по Р. Лепсиусу)⁴⁰, держит в одной руке большую чашу, а другой опускает (?) в нее три больших шарика. Надписи отсутствуют, но расположенные подле него служители со столиками и птицей в руках включают сюжет в ритуальный контекст и позволяют видеть в руке персонажа натрон. В парной сцене гробницы Ури стоящий в полный рост жрец льет воду из широкого кувшина, а стоящий впереди на коленях не просто придерживает большую миску, а буквально опускает в нее обе руки. За тем же действием изображены жрецы Нимаатра и Хени. Можно предположить, что жрецы и в этом случае растворяют в воде натронные шарики. Приготовленный таким образом раствор будет, вероятно, предложен хозяину гробницы. В подтверждение можно привести изображение пары жрецов из гробницы Иреру: надписи, помещенные перед глубокой чашей коленапреклоненного мужчины («делание возлияния» и «наделение натроном»), предполагают намерение вручить ее вельможе, сидящему тут же, за столиком. Жрец Иди из гробницы Кар, стоя на коленях перед столиком с хлебом и пивом и совершая «заклинание жертвы, состоящей из пищи требуемой», держит в руках знакомый уже сосуд. Судя по всему, он запечатлен за вручением продуктов и натроновой воды хозяину погребения. В воспроизведенном Г. Лаппом изображении жреческой службы сразу позади двух жрецов, готовящих известным способом воду с содой, был помещен третий, с жестом подношения жертвенных вещей⁴¹. Его рука, указующая в сторону сидящего вельможи, однозначно показывает, что следует делать с полученным раствором. С такой же миской в руках безымянный жрец, изображенный в масштабе 45, шествует прямо в южную ложную дверь часовни⁴².

Натроновая вода не всегда готовилась прямо в часовне, а доставлялась в больших сосудах *ценбет*, возможно, запечатанных. Из этой емкости она наливалась в чашу и ставилась на высокую подставку перед адресатом. Рельефные изображения таких подставок с миской наверху иногда можно видеть внутри ложной двери или на ее косяках, т.е. там, где хозяин легче всего мог воспользоваться жертвой. Имеется немало свидетельств, что воду в эти емкости предпочитали лить именно из *ценбет*. За этим занятием и с этим сосудом мы застаем челядинцев в гробницах Нисутнефер⁴³ и Мерииб⁴⁴. *Ценбет* вместе с чашей на подставке несут вслед за транспортируемыми статуями в гробницу вельможи Чи⁴⁵, в таком же комплекте они доставляются в ящике сидящему Хафхуфу I (сыну Хеопса)⁴⁶. В небольшом фрагменте службы времени ранней IV династии чаша на подставке показана уже стоящей среди пожертвованной хозяину снеди. При этом художник изобразил плавающие в чаше лотосы. Похоже, что такую же миску с лотосом можно видеть сре-

⁴⁰ Lepsius 1850, Bl. 29.

⁴¹ Lapp 1986, 177, Abb. 63.

⁴² Lepsius 1850, Bl. 27.

⁴³ Junker 1938, Abb. 30.

⁴⁴ Lepsius 1850, Bl. 19.

⁴⁵ Epron, Daumas, Goyon 1939, pl. LIII.

⁴⁶ Simpson 1978, fig. 30.

ди продуктов в сцене жречествования Меху. Если это так, то становится понятно, почему мастер позволил себе в этом случае отказаться от изображения приготовления или доставки натроновой воды – она к тому времени была уже вручена.

В сценах жреческой службы у Ури и Ити хозяину погребения, кроме прочего, доставляют и упоминавшийся выше умывальный прибор – небольшую чашу и вставленный в нее сосуд с носиком. Чаша умывального набора вряд ли может считаться аналогом той, что использовалась жрецами для получения воды с натроном: у Ури оба сюжета представлены одновременно и в одном ярусе, а миска для кувшина с носиком оказалась значительно меньше той, что использовалась для растворения соды. На рельефе из гробницы 45⁴⁷ служители несут хозяину одновременно и умывальный набор, и большую чашу, вероятно, с раствором. А в рельефах мастабы Мечена видно, как жрец манипулирует сразу двумя сосудами: держа в левой руке чашу прибора, правой из кувшина с носиком льет воду в такую же, но установленную на высокой подставке⁴⁸. Жрец Мечена исполнял работу череды, и можно предполагать, что не вся натронная вода будет вылита: часть ее останется в сосуде и будет предложена хозяину для очищения рта. Об этом косвенно свидетельствуют некоторые сцены трапезы, где прибор для умывания «висит в воздухе» перед лицом вельможи и его жены так, что носики кувшинов едва не дотрагиваются губ супругов. Впрочем, не исключено, что предназначение было более широким и содержимое прибора использовалось также для очищения рук перед едой, как предполагал еще Г. Юнкер⁴⁹.

Сюжеты выливания воды в чашу, расположенные в процессуальной последовательности, обнаруживают примечательную закономерность. До конца правления царей V династии, когда в черед жрецов не было *херихебов*, натроновый раствор готовили прямо в гробнице, растворяя шарики в струе воды. С конца V династии сюжет приготовления натроновой воды из развернутых сцен жреческой службы практически исчезает, но появляются изображения жрецов с сосудом *ценбет*. Готовую натроновую воду приносят теперь в этих больших сосудах, после чего разливают в чаши, льют на жертвенник и окропляют продукты.

Извлечение продуктов из ящика (рис. 1 з). Жрец в короткой прикрывающей уши прическе и обтягивающем бедра опоясании присел перед прямоугольным предметом, который Г. Юнкер и С. Хассан именуют ящиком или сундуком, а Г. Лапп – столом⁵⁰. То, что это не стол и не жертвенник убедительно демонстрируют изображения служителей в гробницах Нимаатра и Каиманх, опустивших руки *внутри* объекта точно так, как если бы они имели дело с полой емкостью⁵¹. К тому же в рельефах службы Раура II и Иреру этот предмет показан закрытым крышкой, делающей сходство даже с современным сундуком почти абсолютным. Такие закрытые ящики, только с вертикальными линиями, можно видеть на изображениях среди вещей, доставляемых челядью в гробницу⁵². В этих процессиях иногда несут умывальный набор или свиток папируса, сами по себе свидетельствующие о ритуальном предназначении приношения и намекающие на характер последующих действий. О содержимом ящика говорят немногие и однообразные надписи («приношение жертвы») с детерминативами хлеба и пива. На фрагменте

⁴⁷ Lepsius 1850, Bl. 27.

⁴⁸ Lepsius 1850, Bl. 4.

⁴⁹ Junker 1938, 106.

⁵⁰ Lapp 1986, 174–175.

⁵¹ См. также Bolshakov 2005, 85.

⁵² Junker 1934, Abb. 27; 1938, Abb. 28; LÄ II, 25, 89(c).

рельефа времени ранней VI династии над сундуком стоящего на коленях жреца изображены хлеб, пиво и куски мяса, очевидно, хранящиеся внутри. Изображения такого сундука, иногда с сосудами на крышке, часто завершают перечисление продуктов в широко распространенной формуле предоставления умершему жертв царем, Анубисом и Осирисом. Все это позволяет утверждать, что в рассматриваемом сюжете показан жрец, вынимающий из ящика продукты для их последующего размещения на жертвеннике.

Размещение продуктов на столике или жертвеннике (рис. 1 д). В этом сюжете служитель стоит на коленях, касаясь пальцами рук столика либо жертвенника. Жрец с рельефа гробницы Анхмерира простер над одноногим столиком с продуктами все предплечье, а у Кар он держит над выставленным хлебом и пивом чашу с натроновой водой, творя «закливание жертвы, состоящей из пищи требуемой». В случае, когда жертва не изображена, она почти всегда подразумевается надписью: так, у Мерерука и Санхуиптах перечислены хлеб, пиво и мясо, у Кар сказано о «помещении жертв бальзамировщиком». Сразу за мужчиной, стоящим на коленях у столика/жертвенника, показывают обычно жрецов-чтецов, один из которых читает свиток, а другой выступает с жестом подношения. Их появление чрезвычайно важно для понимания сюжета, поскольку ритуалы «посвятительного подношения» и «просветления», осуществляемые *херихебами*, сопровождали непосредственную передачу жертвы в ложную дверь хозяину гробницы.

Жрец, вероятно, вначале выкладывал продукты на уже очищенный жертвенник, и его действия сопровождалась зачитанием списка жертв, а затем эти продукты направлялись жрецом-чтецом хозяину в ложную дверь жестом подношения.

Коленопреклоненный жрец, касающийся руками земли (рис. 1 е). Этот сюжет встречается редко и, на первый взгляд, не поддается сколько-нибудь обоснованному толкованию. Ни стола, ни жертвенного камня, ни ящика перед жрецом не видно. Единственную известную нам пояснительную надпись находим в сцене у Каиманх: она переводится Г. Юнкером как «лучшее из...», имеет детерминативом изображения хлеба и пива и, следовательно, намекает на наличие продуктов.

Еще одно косвенное свидетельство связи в подобном сюжете коленопреклоненного жреца с жертвенными предметами находим в часовне Анхмерира. На рельефе южной стены фигура мужчины, касающегося пальцами земли, сопровождается читающим свиток *херихебом*, что говорит об исполнении обоими весьма важной работы. На северной стене этого же помещения художник оставил аналогичный по содержанию сюжет, притом его начальная часть является почти зеркальным отражением рельефа на южной стене, а конечная значительно разнится. На месте стоящего на коленях жреца мастер поместил точно такого же, но возложившего ладони на крышку столика. Поскольку столик в египетской настенной изобразительности заменял иногда жертвенник, возникает убеждение, что перед нами еще один, притом парадоксальный, вариант художественной передачи жертвенника – путем его полного игнорирования рисовальщиком.

Косвенное подтверждение этому можно видеть в мастабах Нимаатра, Раура II и Нефермеседжерхуфу, изобразительное оформление которых осуществлялось по одному замыслу⁵³. Примечательно, однако, что если другие эпизоды сцен жреческой службы почти полностью в них идентичны, то иконография коленопреклоненного жреца имеет значительные отличия. Стоящий на коленях жрец Нимаатра

⁵³ Обстоятельный сравнительный анализ изобразительного материала этих гробниц проведен А.О. Большаковым (Bolshakov 2005).

опирается на одну руку, в то время как в другой у него нечто, напоминающее короткую узкую ленту, «связывающую» руку с поверхностью земли. Можно было бы предположить необычный вариант возлияния воды (похожий есть в гробнице Кар), но сосуда в руке жреца, как будто бы, не видно. Художник, позднее оформивший гробницу Нефермеседжерхуфу, скопировал сюжет своего предшественника, но странная поза стоящего на коленях жреца его не удовлетворила, и он его просто убрал из своей сцены службы. Однако сокращение череды на одного человека не прошло для композиции бесследно, вызвав радикальную, хотя на первый взгляд и незаметную, трансформацию всей сцены: изменилось положение рук стоящего на коленях у сундука (см. выше) жреца, изменился и сам сундук. После того как мастером была проработана его внутренняя часть, последний превратился в стол, а жрец, будучи теперь не в состоянии погрузить руки внутрь, положил их на его крышку. Превращение сундука с продуктами в столик/жертвенник компенсировало исчезновение коленапреклоненного жреца лишь в случае, если тот был занят жертвенным камнем. Но оно же сильно изменило смысл всего эпизода: стоящий впереди жрец с метлой, совершающий обряд «убирания следов», получил ленту жреца-чтеца и оказался готов занять место, обычное в подобных сценах для *херихеба* – позади жреца, опустившегося на колени перед столом/жертвенником. В подтверждение своего намерения новоявленный жрец-чтец гробницы Нефермеседжерхуфу сделал шаг вперед, словно стремясь зайти за спину сидевшего, а голову развернул назад – в сторону трапезничающего хозяина, к которому и будет обращена жертва.

Мастер из гробницы Раура II, как и его коллега, оформивший мастабу Нефермеседжерхуфу, скопировал реческую сцену Нимаатра, но разместил жрецов в два яруса и таким образом, что стоящий на коленях мужчина из центра переместился в начало верхнего, т.е. оказался сразу *перед* объектом жречествования. Из-за сильного разрушения части рельефа нельзя понять, чем заняты его руки, но они точно не касаются земли, а, вероятно, лежат на высоком столе. Все это позволяет предполагать, что изображенные мужчины, касающегося руками земли, на самом деле условно: используя «принцип намека» художник запечатлевает службу над столиком/жертвенником.

Курение ладана (рис. 1 *ж*). Изображения кадящего ладан жреца в староегипетских гробницах встречаются очень часто. Подобные фигуры с курильницей можно видеть и непосредственно в сцене трапезы, на косяках ложной двери, перед статуей, перед проемом в сердаб. Воскурение ладана в развернутых сценах службы всегда совершает жрец в коротком обтягивающем бедра опоясании и с короткой прической, лишь служители Кар носят длинный парик (см. выше). В руках такой жрец держит колоколовидную курильницу с кусками ладана в нижней ее части. Обзор изображения курильниц показывает стремление египтян изобразить и дым, и свет, и, может даже, запах горящей смолы⁵⁴. Поднимая верхнюю часть курильницы и регулируя угол наклона, можно было направить дым в нужную сторону. В сценах у Кар мастер изобразил, как жрец, держа открытую курильницу за ручку, бросает в нее для поддержания горения маленькие кусочки древесного угля. Дым и запах ладана имели, безусловно, очищающее свойство, и не случайно сюжет каждения в сцене жреческой службы часто сопровождается изображением возлияния воды на жертвенник (гробницы Раур II, Кагемни, Сенеджемиб/Инти, Хену), который мог быть представлен в виде столика (гробница Меху) либо только подразумеваться

⁵⁴ Bolshakov 2005, 85–87.

(гробницы Каиманх, Нимаатра, Усернечер, Кар). В рельефе гробницы Нефермеджерхуфу кадящий ладан человек показан сразу за парой жрецов, занятых выливанием воды в чашу, т.е. приготовлением раствора натрона.

Дымом ладана окуривали не только жертвенник, но и жертвуемые продукты. Это хорошо подтверждается сюжетом из гробницы Хнумхотепа II (XII династия), где каждение соседствует с ритуальным закланием животных⁵⁵. Поскольку сцена заклания передана с большим размахом, то и очищение было поставлено буквально «на поток»: куски мяса доставлялись на подносах к двум большим открытым чашеобразным курильницам на высоких подставках и высокому сосуду между ними. В более позднем погребении Аменемхета похожую открытую курильницу с плоским дном несет жрец-херихеб⁵⁶. Действия его другого служителя *ка* также направлены скорее не на вельможу, а на продукты, щедро расставленные перед ним и переданные художником вполне натурально. На изображении службы в погребальной камере Ип ладан курят перед жертвенным быком⁵⁷. Сама смола и верхняя часть курильницы не показаны, но фигуры женщин с лотосом и птицей, как и стоящий на одном колене перед пустым столиком мужчина, позволяют рассматривать сюжет именно в таком контексте.

«Просветление» (*сахет*) путем чтения жрецом развернутого свитка (рис. 1 з). Это первый из четырех рассмотренных ниже эпизодов жреческой службы, в котором был занят жрец-чтец. Изображения херихеба, читающего папирусный свиток с перечнем продуктов и жертвенными формулами, встречаются в сценах погребальных процессий и регулярной жреческой службы. Его действия в составе череды служащих в часовне направлены на кормление хозяина и часто сопровождаются соответствующими надписями – «просветление», «просветление жрецом-чтецом», «чтение просветления», «чтение документа» и др. Появление в частном культе второй половины Старого царства жрецов-чтецов – скорее всего, результат развития текстовой составляющей культа. К чисто физическому снабжению едой прибавился другой способ снабжения – посредством *возглашения* названия продуктов, не отменивший старого⁵⁸.

«Просветление» (*сахет*), совершаемое коленопреклоненным жрецом (рис. 1 и). Жрец (как правило, херихеб) стоит на одном колене, слегка склонившись в сторону хозяина. Кулак его согнутой в локте руки прижат к голове или к груди, другая рука, также слегка согнутая в локте и со сжатым кулаком, поднята вверх. Анализ различных изображений этой группы позволяет предполагать, что жрец на самом деле не застыл в этой очень неудобной позе, а, попеременно меняя руки, бьет себя кулаками в грудь. Неясно, говорил ли он при этом какие-либо слова, но фигуры эти надписываются так же, как читающие свиток херихебы. В развернутых сценах службы эти жрецы показываются группами в два–три человека, совершающими «в высшей степени многочисленные просветления» и «ежедневные прославления». Г. Лапп отметил, что изображения таких творящих «просветление» жрецов-чтецов характерны для относительно позднего периода Старого царства, а ранее эту работу исполнял бальзамировщик (*ути*) с рукой не у груди, а возле головы⁵⁹. Но и в позднее время бальзамировщики иной раз допускались к этой службе: в нижнем

⁵⁵ Lepsius 1850, Bl. 129.

⁵⁶ Davies, Gardiner 1915, pl. XVIII.

⁵⁷ Fisher 1996, pl. 7.

⁵⁸ Большаков 2009, 32.

⁵⁹ Lapp 1986, 159, 162.

ярус рельефа на западной стене открытого двора Кар только они, встав на одно колено, творят *сахет*.

Жрец с жестом подношения жертвенных вещей (рис. 1 к). В этом эпизоде был занят прежде всего жрец-*херихеб*. На изображении одна его рука опущена вниз и часто сжимает свернутый свиток, а другая, согнутая в локте, обращена к адресату, причем раскрытая ее ладонь оказывается либо на уровне плеча, либо чуть выше. Если общая идея жеста понятна, то относительно его назначения единого мнения нет. Г. Алтенмюллер считает, что так подавался «знак пожертвования»⁶⁰, В. Симпсон видит здесь «жест обращения»⁶¹, а Г. Лапп говорит о жесте возглашения списка жертвуемых продуктов⁶². Нечастые надписи времени второй половины Старого царства, сопровождающие эту сцену («посвятительное подношение жреца-чтеца»), позволяют видеть здесь жест подношения жертвенных вещей жреца, провозглашавшего жертвенную формулу и перечень продуктов. В гробнице Меху надпись замыкается иероглифическими изображениями хлеба, сосуда с пивом и печенья (?), уточняющими меню. Часто под указующей рукой художник размещал изображение самой жертвы – столика с продуктами у Таути, буквально заваленного мясом⁶³, либо только что отрезанное бедро быка, лежащее прямо на туше животного в рельефе Мерерука⁶⁴.

Жест подношения был широко распространен в египетской иконографии и в общих сценах характерен не только для *херихебов*. В гробнице Дебехни жертву таким способом предлагает бальзамировщик-*ути*⁶⁵, а в позднем погребении Аменхета с жестом подношения часто выступает жрец-*сем* в наброшенной на плечи шкуре пантеры⁶⁶.

Ритуал «убирания следов» (рис. 1 л). Жрец, обращенный спиной к продуктам и трапезничающему хозяину, но оглядывающийся в его сторону, волочит за собой метлу. Иногда он смотрит на своих коллег, а в сцене из гробницы Анхмерура спешит за ними в конце череды, развернувшись грудью к владельцу погребения. В рельефе такой жрец может занимать место и в начале, и в середине, и в конце группы. Он совершает ритуал «убирания следов»: выходя после исполнения службы последним из часовни, замечает тростниковым валиком оставленные на полу следы, разделяя, таким образом, мир-Двойник и мир людей⁶⁷. Если заметающим оказывается *херихеб*, то в одной руке он также часто держит свернутый свиток, сохраняя за собой обязанности чтеца. Это подтверждается и надписью над жрецом из гробницы Меху: кроме обычного «убирания следов» художник вырезал на стене «декламация».

После того, как было рассмотрено общее содержание сюжетов, появилась возможность установить примерную последовательность проведения ритуала. Интересный материал, помогающий восстановить ход регулярной жреческой службы, обнаруживается в часовнях Каиманх, Нимаатра, Раура II, Нефермеседжерхуфу и Хену. Только здесь фигуры мужчин с тростниковым валиком находятся в самом начале сцен. Положение их впереди череды не столько необычно, сколько при-

⁶⁰ Altenmüller 1995, 174.

⁶¹ Simpson 1976, 4.

⁶² Lapp 1986, 160.

⁶³ Säve-Söderbergh 1994, pl. 13; LÄ II, 144c.

⁶⁴ Duell 1938, pl. 122.

⁶⁵ Hassan 1943, fig. 122.

⁶⁶ Davies, Gardiner 1915, pl. V, XVIII, XXI, XXXV.

⁶⁷ Большаков 2001, 223.

мечательно. Жрец с метлой, расчищая помещение, готовил его к контакту с миром-ка и пресекал этот контакт после завершения ритуала. Изображение ритуала «убирания следов» буквально отсекало жрецов от заповедного для них мира-Двойника хозяина, начинавшегося и заканчивающегося в композиции сцены столом/жертвенником. Но фигура заметающего следы оказывалась к месту только там, где изображалось первое и последнее соприкосновение жрецов с миром-ка. Если этого сюжета в сцене не было, действия жреца с валиком мыслились *уже совершенными*. Следом за служителем с тростниковой метлой во всех пяти случаях художник показывает жреца, присевшего возле сундука с продуктами. По всей видимости, хранившуюся в ящике снедь доставляли в часовню сразу после очищения помещения от следов праздных посетителей⁶⁸. В это же время два жреца готовили натронную воду, которая в нужное время будет разлита по кувшинам умывальных приборов, а также выставлена в большой чаше на высокой подставке перед ложной дверью: именно так следует интерпретировать указующий жест жреца, находящегося как раз позади льющих в миску⁶⁹. С конца V династии, когда в череде изображаются жрецы-херихебы, в часовню доставлялся уже готовый раствор. Его вносили в высоких сосудах с длинным сливом (*ценбет*) и разливали по емкостям. За этим занятием мы застаем служителей Мерерука, Нисутнефер и Мериб.

Сложно понять, где собственно проходило очищение продуктов: староегипетский художник гораздо меньше нас был озабочен проблемой точной передачи действия в пространстве и времени; при случае он запечатлевал лишь факт его совершения. Хлеб, доставляемый в погребальной процессии Кара, очищался прежде в храме Птаха⁷⁰. У Сенеджемиб/Меху эта работа также, как будто бы, ведется в стороне: сцена вынесена ярусом выше и показана с размахом, невозможным для исполнения ее в часовне. В рельефе гробницы Меху груды продуктов очищают прямо перед столиком сидящего вельможи. Впрочем, этот сюжет может быть объяснен и желанием мастера отметить все нужные события на ограниченной площади стены: чтобы не изображать продукты несколько раз, он вывел их на первый план, после чего совместил очищение водой с ритуалом *сахет* и отсылкой снеди хозяину жестом подношения. Следующий за ними херихеб с метлой и свитком готов сделать сразу три дела: зачитать документ, вручить его владыке и, заметая следы, завершить службу.

Херихеб в сцене Меху замыслом художника не случайно занял позицию в центре череды: он стал своеобразной межой, разделившей два больших этапа (блока) жрецового ритуала, – сразу за ним видим очищение водой столика/жертвенника, курение ладана и зачитание свитка. При этом впереди оказался наиболее важный второй блок – очищение и направление в ложную дверь продуктов, а позади менее значимый, но хронологически проходивший ранее его первый блок – очищение жертвенника водой и ладаном, сопровождаемое чтением жертвенных формул.

Принцип деления развернутой сцены жреческой службы на два блока просматривается и в других соответствующих рельефах. Интересными благодаря необычной манере исполнения представляются сюжеты на северной и южной стенах часовни Анхмерура. Сцена на северной стене, как и у Меху, начинается вторым

⁶⁸ В гробнице Иреру жрец с ящиком, видимо, завершив работу, оказался в конце череды. Не исключено, что он готовится после окончания службы забрать продукты или их гипсовые муляжи с жертвенника для использования в других гробницах: Двойнику вельможи важны были не столько сами вещи, сколько их образ.

⁶⁹ Lapp 1986, 177, Abb. 63.

⁷⁰ Simpson 1976, fig. 24.

блоком сюжетов, но продукты (хлеба́) здесь размещены на одноногом столике. Первый блок представлен очень скудно – сидящим возле столика служителем *ка*, читающими свиток *херихебам* и доставкой двух жертвенных бедер быка. Блоки сцены делятся мужской фигурой с непривычной иконографией: жрец с короткой прической и в облегающем бедра опоясании держит в руках высокий сосуд и небольшой предмет. Предмет этот назван Г. Альтенмюллером⁷¹ метлой на том основании, что жрец якобы занимает место мужчины, проводящего церемонию «убирания следов». Но сцена северной стены примечательна не только отсутствием изображения сметающего следы – в ней нет сюжетов возлияния воды и курения ладана. Замысел художника станет понятным, если усмотреть в опущенной руке служителя не метлу (ее там и нельзя увидеть), а нижнюю тарелку от кадьницы и предположить, что человек в середине череды и должен был всем этим заниматься. Судя по контексту сцены, жрец только что закончил возлияние и воскурение над пустым столом/жертвенником и, напутствуемый стоящим позади *херихебом*, спешит к передней группе потрудиться точно так же, теперь уже над продуктами. Разумеется, для этого ему не надо было далеко ходить (служба идет над *одним* жертвенником), но логика деления сцены на два блока заставила мастера поступить именно так.

В сцене на южной стене часовни Анхмерура поражает обилие изображений жрецов-чтецов и отсутствие видимых намеков на очищение жертвенника и продуктов водой и ладаном. Обращает на себя внимание и необычное для статуса *херихеба* одеяние – за исключением одного все они носят облегающее бедра опоясание, присущее скорее бальзамировщикам. Мы знаем, что фасон одежды и прическа не столько отмечали должность служителя *ка*, сколько показывали его готовность исполнять соответствующую работу. Следуя логике, можно бы предположить, что стоящие в ряд *херихебы* должны были и читать свиток, и приняв на себя обязанность *уабов*, курить ладан, и лить натоновую воду на жертвенник и продукты. Однако нет уверенности, что в реальной службе жрец-чтец вынужден был исполнять эту работу: гораздо более вероятно видеть в одной фигуре несколько лиц, исполняющих разные функции. Замечено, что число совмещений иконографических норм возрастает в малых сценах, где мастера, по причине недостатка места, были вынуждены чаще комбинировать несколько действий в одной фигуре. Широкое использование принципов «намек» и совмещения иконографических форм позволяло египетскому мастеру фиксировать основные этапы ритуала на стенах даже весьма скромных по размеру гробниц.

Литература

Большаков А.О. 2001: Человек и его Двойник. Изобразительность и мировоззрение в Египте Старого царства. СПб.

Большаков А.О. 2009: Три этюда по организации культа при IV династии // ТГЭ. 2008. 45, 25–39.

Савельева Т.Н. 1992: Храмовые хозяйства Египта времени Древнего царства (III–VIII династии). М.

Abu-Bakr A.-M. 1953: Excavations at Giza 1949–1950. Cairo.

Altenmüller H. 1995: Die Wanddarstellungen in Grab des Mehu in Saqqara. Mainz.

Badawy A. 1976: The Tombs of Iteti, Sekhem'ankh-Ptah, and Kaemnofert at Giza. Los-Angeles–London.

Ballacher M., Weigall A. 1911: Die Mastaba des Gem-ni-kai. Lpz.

⁷¹ Altenmüller 1995, 235.

- Bolshakov A.O.* 1994: Hinting as a Method of Old Kingdom Tomb Decoration // Göttinger Miscellen. 139.
- Bolshakov A.O.* 2005: Studies on Old Kingdom Reliefs and Sculpture in the Hermitage. Wiesbaden.
- Brovanski E.* 2003: The Senedjemib Complex. Vol. I (Giza Mastabas. Vol. 7). Boston.
- Davies N.M., Gardiner A.H.* 1915: The Tomb of Amenemhat. L.
- Duell P.* 1938: The Mastaba of Mereruka. Chicago. Vol. I–II.
- Epron L., Daumas Fr., Goyon G.* 1939: Le tombeau de Ti. Vol. I. Le Caire.
- Fisher H.G.* 1996: The Tomb of Ip at el-Saff. N.Y.
- Gastel G.* 2001: Le mastaba de Khentika. Tombeau d'un gouverneur de l'Oasis à la fin de l'Ancien Empire. Le Caire.
- Hassan S.* 1936: Excavations at Giza. Vol. II. Cairo.
- Hassan S.* 1941: Excavations at Giza. Vol. III. Cairo.
- Hassan S.* 1943: Excavations at Giza. Vol. IV. Cairo.
- Junker H.* 1934: Giza II. Wien–Leipzig.
- Junker H.* 1938: Giza III. Wien–Leipzig.
- Junker H.* 1941: Giza V. Wien–Leipzig.
- Junker H.* 1943: Giza VI. Wien–Leipzig.
- Kanawati N.* 1980: The Rock Tombs of El-Hawawish: the Cemetery of Akhmim. Vol. 1. Sydney.
- Kanawati N., Abder-Raziq M.* 1999: The Teti Cemetery at Saqqara. Vol. III. Warminster.
- Lapp G.* 1986: Die Opferformel des Alten Reiches unter Berücksichtigung einiger späterer Formen. Mainz am Rhein.
- Lepsius C.R.* 1850: Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien. Abt. II. B.
- Roth A.M.* 1995: A Cemetery of Palace Attendants, including G 2084–2099, 2230–2231 (Giza Mastabas. Vol. 6). Boston.
- Säve-Söderbergh T.* 1994: The Old Kingdom Cemetery at Hamra Dom (El-Qasr wa es-Saiyad). Stockholm.
- Simpson W.K.* 1976: The Mastabas of Qar and Idu G 7101 and 7102 (Giza Mastabas. Vol. 2). Boston.
- Simpson W.K.* 1978: The Mastabas of Kawab, Khafkhufu I and II. G 7110–20, 7130–40 and 7150 Subsidiary Mastabas of Street 7100 (Giza Mastabas. Vol. 3). Boston.
- Simpson W.K.* 1980: Mastabas of the Western Cemetery, I: Sekhemka (G 1029); Tjetu (G 2001); Iasen (G 2196); Penmeru (G 2197); Hagy, Nefertjendet and Nimesti (G 2337X, 2343, 2366) (Giza Mastabas. Vol. 4). Boston.
- Weeks K.R.* 1994: Mastabas of Cemetery G. 6000: including G 6010 (Naferbauptah); G 6020 (Iymery); G 3060 (Itj); G 6040 (Shepseskafankh) (Giza Mastabas. Vol. 5). Boston.

PRIEST SERVICE AS DEPICTED IN CHAPELS OF OLD EGYPTIAN PRIVATE TOMBS: SOME PRINCIPLES OF COMPOSITION

F. I. Kulikov

The author undertakes a comparative analysis of how regular priest service was depicted in private tombs: their composition, the meaning of the scenes and possible order of the rite. Two main stages of the priest service are defined: purification of the altar with water and incense and purification of food, subsequently directed to the false door. It appears that in the scenes depicting regular priest service the artists often used the principles of combined iconographic forms. The objects held by the priest, his cloths, attitude and cult attributes were functionally meaningful and indicated the character of the acts. Combining the attributes (some of them to be guessed from hints only) Egyptian artists made the depicted characters polyfunctional and thus successfully realized a complex idea on limited space of the walls.